

НИКОЛЬСКИЙ ХРАМ
СЕЛО ОЗЕРЕЦКОЕ

Присоединяйтесь

www.snhram.ru

Кто не собирает со Мною, тот расточает. (Мф. 12, 30)

©2012-2015

Печатается по благословению о. Алексия Тимофеева. МО, Дмитровский район, с. Озерецкое. тел.:+7 (495) 592-14-56

НЕДЕЛЯ 20-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ, *глас 3*

Церковь чтит память всероссийских святителей – митрополитов Московских и всея России чудотворцев

Как три великих столпа православия: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст сохранили непотрясенным здание древней Восточной Церкви во время обрушившихся на нее гонений со стороны еретиков, так и три великих святителя Церкви Московской: Петр, Алексий и Иона сохранили неврежденным православие на святой земле Русской в тяжкие годины ее внутренних нестроений и бед от многочисленных внешних врагов. И как Вселенская Церковь, помимо празднований, положенных каждому из трех Вселенский святителей в отдельности, установила особый праздник, посвященный всем трем святителям вместе, твердо памятуя, что одна была у них всех вера, одна – ревность по ней, одна – любовь к ближним, заставлявшая их одинаково подвергать ради сих ближних жизнь свою опасностям, так и на Руси святой еще со времени царя Феодора Иоанновича и патриарха Иова (с 1596 года) соединили в одном всеобщем праздновании 5 октября три священных имени Московских первосвятителей.

Но Русская земля среди Московский первосвятителей имела и еще одного охранителя православия, карателя злых нравов и страдальца за веру и правду, имя коего по неизвестным причинам оставалось долгое время неприсоединенным к празднованию 5 октября. Это был св. митрополит Филипп.

Празднование в один день в честь всероссийских святителей Петра, Алексия и Ионы установлено патриархом Иовом 5 октября 1596 года.

Святитель Филипп причислен к ним в 1875 году, по ходатайству святителя Иннокентия, митрополита Московского, а святитель Ермоген – в 1913 году.

Празднуя память святителей в один день, Церковь воздает каждому из них равную честь, как небесным покровителям города Москвы и молитвенникам за наше Отечество.

Выпуск № 43 (164)

18 Октября 2015
(5 Октября)

Мц. Харитины (304). **Свтт. Петра, Алексия, Ионы, Макария, Филиппа, Иова, Ермогена, Тихона, Петра, Филарета, Иннокентия и Макария, Московских и всея России чудотворцев.**

Сщмч. Дионисия, еп. Александрийского (264-265). **Мц. Мамелхвы Персидской** (ок. 344). **Прп. Григория Хандзойского** (861) (Груз.). **Прпп. Дамиана, пресвитера, целебника** (1071), **Иеремии** (ок. 1070) **и Матфея** (ок. 1085) **прозорливых, Печерских. Прп. Харитины, кн. Литовской,** в Новгороде подвизавшейся (1281).

Прп. Гавриила исп (1959).

В ПОМОЩЬ МОЛЯЩИМСЯ ЗА БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИЕЙ

Тропарь Воскресный, *глас 3:*

Да весели́тся небе́сная, / да ра́дуются земна́я; / я́ко сотвори́ держа́ву мы́шцею Свое́ю Госпо́дь, / попра́ сме́ртию смерть, / пе́рвенец ме́ртвых бысть; / из чре́ва а́дова изба́ви нас, / и подаде́ ми́рови ве́лию ми́лость.

Да веселится все небесное, / да радуется все земное, / ибо явил могущество руки Своей Господь: / попрал смертию смерть, / сделался первенцем из мертвых, / из чрева ада избавил нас / и даровал миру великую милость.

Тропарь Кресту, *глас 1:*

Спаси́, Го́споди, лю́ди Твоя́ / и благослови́ достоя́ние Твое́, / побе́ды правосла́вным христиа́ном на сопроти́вныя да́руя / и Твое́ сохраня́я Кресто́м Твои́м жи́тельство.

Спаси, Господи, людей Твоих / и благослови наследие Твоё, / победы православным христианам над иноплеменными даруя / и Крестом Твоим сохраняя Твой народ.

Тропарь Божией Матери пред иконой Ее «Неупиваемая Чаша», *глас 4:*

Днесь притеце́м ве́рнии / к Боже́ственному и пречу́дному о́бразу Пресвяты́я Богома́тери, / напоя́ющия ве́рных сердца́ / Неупива́емою Ча́шею небе́снаго Своего́ милосе́рдия / и лю́дем ве́рным чудеса́ показу́ющия. / Я́же ви́дяще и слы́шаще / духо́вно пра́зднуем и те́пле вопие́м: / Влады́чице Всеми́лостивая, / исцели́ на́ша неду́ги и стра́сти, / моля́щи Сы́на Твоего́, Христа́ Бо́га на́шего / и спаси́ ду́ши на́ша.

Тропарь святителя Николая, *глас 4:*

Пра́вило ве́ры и о́браз кро́тости, / воздержа́ния учи́теля / яви́ тя ста́ду твоему́ / Я́же вещей И́стина. / Сего́ ра́ди стяжа́л еси́ смире́нием высо́кая, / нището́ю бога́тая, / о́тче священнонача́льниче Нико́лае, / моли́ Христа́ Бо́га, / спасти́ся душа́м на́шим.

Правилом веры и образом кротости, / воздержания учителем / явила тебя стаду твоему / непреложная Истина. / Потому ты приобрел смирением – высокое, / нищетою – богатство. / Отче, святитель Николай, / моли Христа Бога о спасении душ наших.

Тропарь святителей Московских, *глас 4:*

Первопресто́льницы Росси́йстии, / и́стиннии храни́телие апо́стольских преда́ний, / столпи́ непоколеби́мии, правосла́вия наста́вницы, / Пе́тре, Алекси́е, Ио́но, Фили́ппе и Ермоге́не, / Влады́ку всех моли́те / мир вселе́нней дарова́ти, / и душа́м на́шим ве́лию ми́лость.

Первосвятители Российские, / истинные хранители апостольских преданий, / столпы непоколебимые, православия наставники, / Петр, Алексий, Иона, Филипп и Ермоген, / Владыку всех молите / мир вселенной даровать / и душам нашим великую милость.

Тропарь священномученика Харалампия, *глас 4:*

Я́ко сто́лп избра́нный Це́ркве Христо́вой / и свети́льник присносве́тлый всея́ вселе́нныя, / прему́дре показа́ся, Харала́мпие, / возсия́ в ми́ре муче́нием, / разруши́ и́дольское мракобе́сие, блаже́нне, / сего́ ра́ди яви́ся предста́тель Христу́, / моли́ся спасти́ся нам.

Тропарь царственных Страстотерпцев, *глас 4:*

Днесь, благове́рнии лю́дие, све́тло почти́м / седмери́цу честну́ю ца́рственных страстоте́рпец, / Христо́ву еди́ну дома́шнюю Це́рковь: / Никола́я и Алекса́ндру, / Алекси́я, Ольгу, Татиа́ну, Мари́ю и Анастаси́ю. / Ти́и бо, уз и страда́ний многоразли́чных не убоя́вшеся, / от богобо́рных смерть и поруга́ние теле́с прия́ша / и дерзнове́ние ко Го́споду в моли́тве улучи́ша. / Сего́ ра́ди к ним с любо́вию возопии́м: / о святи́и страстоте́рпцы, / гла́су покаа́ния и стена́нию наро́да на́шего вонми́те, / зе́млю Росси́йскую в любви́ к Правосла́вию утверди́те, / от междоусо́бныя бра́ни сохрани́те, / мир ми́рови у Бо́га испроси́те // и душа́м на́шим ве́лию ми́лость.

Тропарь преподобного Серафима, *глас 4:*

От ю́ности Христа́ возлюби́л еси́, блаже́нне, / и, Тому́ Еди́ному рабо́тати пла́менне вожделе́в, / непреста́нною моли́твою и трудо́м в пусты́ни подвиза́лся еси́, / умиле́нным же се́рдцем любо́вь Христо́ву стяжа́в, / избра́нник возлю́блен Бо́жия Ма́тере яви́лся еси́. / Сего́ ра́ди вопие́м ти: // спаса́й нас моли́твами твои́ми, Серафи́ме, преподо́бне о́тче наш.

От юности ты возлюбил Христа, блаженный / и, Ему Одному служить пламенно возжелав, / непрестанною молитвою и трудом в пустыне подвизался, / и умиленным сердцем любовь Христову стяжав, / избранником возлюбленным Божией Матери явился. / Потому мы взываем тебе: / «Спасай нас молитвами твоими, Серафим, преподобный отче наш!»

Кондак Воскресный, *глас 3:*

Воскре́сл еси́ днесь из гро́ба, Ще́дре, / и нас возве́л еси́ от врат сме́ртных; / днесь Ада́м лику́ет, и ра́дуется Е́ва, / вку́пе же и проро́цы с патриа́рхи воспева́ют непреста́нно / Боже́ственную держа́ву вла́сти Твоея́.

Воскрес Ты в сей день из гроба, Милосердный / и вывел нас из врат смерти. / В сей день Адам ликует и радуется Ева, / а вместе с ними и пророки с патриархами воспевают непрестанно / божественную мощь власти Твоей.

Слава: Кондак святителя Николая, *глас 3:*

В Ми́рех, свя́те, священноде́йствитель показа́лся еси́,/ Христо́во бо, преподо́бне, Ева́нгелие испо́лнив,/ положи́л еси́ ду́шу твою́ о лю́дех твои́х/ и спасл еси́ непови́нныя от сме́рти./ Сего́ ра́ди освяти́лся еси́,// я́ко вели́кий таи́нник Бо́жия благода́ти.

В Мирах ты, святой, явился совершителем священнодействий, / ибо Христово Евангелие исполнив, преподобный, / положил ты душу свою за людей твоих / и неповинных спас от смерти; / потому был ты освящен, / как великий служитель таинств Божией благодати.

И ныне: Кондак пресвятой Богородицы, *глас 8***:**

Взбра́нной Воево́де победи́тельная, / я́ко изба́вльшеся от злых, / благода́рственная воспису́ем Ти, рабы́ Твои́, Богоро́дице, / но, я́ко иму́щая держа́ву непобеди́мую, / от вся́ких нас бед свободи́, да зове́м Ти: / ра́дуйся, Неве́сто Неневе́стная.

Обороняющей нас Военачальнице / за избавление от страшных бед / учреждаем Тебе торжества победы благодарственные / мы, рабы Твои, Богородица! / Но Ты, как имеющая власть необоримую, / от всяческих опасностей нас освободи, / да взываем Тебе: / «Радуйся, Невеста, брака не познавшая!

Прокимен, *глас 3:* По́йте Бо́гу на́шему, по́йте, / по́йте Царе́ви на́шему, по́йте.
Стих: Вси язы́цы, восплещи́те рука́ми, воскли́кните Бо́гу гла́сом ра́дования.
ин прокимен, *глас 7:* Честна́ пред Го́сподем / смерть преподо́бных Его́.

АПОСТОЛ

Послание к Галатам, *зач. 200, гл. I, 11–19*

11 Бра́тїе, сказ҃ю ва́мъ бл҃говѣствова́нїе бл҃говѣщ҇е́нное ѿ мене́, ꙗ҆кѡ нѣ́сть по человѣ́ку.

12 нн҃ бо а҆́зъ ѿ человѣ́ка прїа́хъ е҆̑, нижѐ наꙋчи́хсѧ: но ꙗ҆влен҃і́емъ і҃сѹ хр҃то́вымъ.

11 Братия, возвещаю вам, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое,

12 ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа.

13 слы́шасте бо моє́ жи́тїє и҆ногда́ въ жидо́вствѣ, я҆́кw попремно́гу гони́хъ це́рковь бж҃їю, и҆ разруша́хъ ю҆̀:
14 и҆ преспѣва́хъ въ жидо́вствѣ па́че мно́гихъ сверстникъ мои́хъ въ ро́дѣ моє́мъ, и҆зли́хъ ревни́тель сы́й оте́ческихъ мои́хъ преда́нїй.
15 Є҆гда́ же благоволи́ бг҃ъ, и҆збра́вый ма҆̀ w҃ чре́ва ма́тере моєя́, и҆ призва́вый бл҃года́тїю свое́ю,
16 а҆ви́ти сн҃а своего́ во мнѣ́, да бл҃говѣ́ствую є҆го́ во а҆зы́цѣхъ: а҆́бїе не приложи́хсѧ пло́ти и҆ кро́ви,
17 ни взыдо́хъ во і҆ерусали́мъ къ пре́дними мене́ апо́столwмъ: но и҆до́хъ во а҆раві́ю, и҆ па́ки возврати́хсѧ въ дама́скъ.
18 пото́мъ же по трїе́хъ лѣ́тѣхъ взыдо́хъ во і҆ерусали́мъ согла́дати петра́, и҆ пребы́хъ у҆̀ него̀ дни́й пятьна́десѧть.
19 и҆ного́ же w҃ апо́стwлъ не ви́дѣхъ, то́кмw і҆а́кwва бра́та гд҃на.

13 Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее,
14 и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий.
15 Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил
16 открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью,
17 и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск

18 Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать.
19 Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня.

Послание ко Евреем, *зач. 335, гл. XIII, 17–21*

17 Бра́тїе, повинове́йтесѧ наста́вникwмъ ва́шымъ и҆ покаре́йтесѧ: ті́и бо бдя́тъ w҃ дше́хъ ва́шихъ, я҆́кw сло́во возда́ти хотя́ще, да съ ра́достїю сі҃е твори́тъ, а҆ не воздыха́юще: нѣ́сть бо поле́зно ва́мъ сі҃е.
18 моли́тесѧ w҃ на́съ, у҆пова́емъ бо, я҆́кw добру́ со́вѣсть и҆́мамы во все́мъ, до́брѣ хотя́ще жи́ти.
19 лишше́ же молю́, сі҃е твори́те, да вско́рѣ у҆стро́юсѧ ва́мъ.
20 бг҃ъ же ми́ра возведы́й и҆з̾ ме́ртвыхъ па́стыра о҆вца́мъ вели́каго, кро́вїю завѣ́та вѣ́чнагw, гд҃а на́шего і҆и҃са хр҃та̀:
21 да соверши́тъ вы̀ во всѣ́комъ дѣ́лѣ бла́зѣ, сотвори́ти во́лю є҆гẁ, творя̀ въ ва́съ бл҃гоугóдное пред̾ни́мъ, і҆и҃съ хр҃то́мъ: є҆му́же сла́ва во вѣ́ки вѣ́кwвъ, а҆ми́нь.

17 Братия, повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас неполезно.
18 Молитесь о нас; ибо мы уверены, что имеем добрую совесть, потому что во всем желаем вести себя честно.
19 Особенно же прошу делать это, дабы я скорее возвращен был вам.
20 Бог же мира, воздвигший из мертвых Пастыря овец великого Кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса Христа,
21 да соделает вас во всяком добре способными к исполнению воли Его, производя в вас благоугодное Ему через Иисуса Христа. Ему слава во веки веков! Аминь.

Аллилуиа, *глас 3:* На Тя, Го́споди, упова́х, да не постыжу́ся во век.
Стих: Бу́ди ми в Бо́га Защи́тителя и в дом прибе́жища, е́же спасти́ мя.
глас 2: Свяще́нницы Твои́ облеку́тся в пра́вду, и преподо́бнии Твои́ возра́дуются.

СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

От Луки, *зач. 26, гл. VI, 31-36*

31 Рече́ гдь: ѩ́коже хо́щете да твор‍а́тъ ва́мъ человѣ́цы, и̑ вы̀ твори́те и̑̀мъ та́кожде.

32 и̑ а́ще лю́бите лю́бящыя вы̀, ка́я ва́мъ благода́ть є́сть; и̑́бо и̑ грѣ́шницы лю́бящыя и̑́хъ лю́бятъ.

33 и̑ а́ще благотворитѐ благотвор‍я́щымъ ва́мъ, ка́я ва́мъ благода́ть є́сть; и̑́бо и̑ грѣ́шницы то́жде твор‍я́тъ.

34 и̑ а́ще взаи́мъ даетѐ, ѿ ни́хже ча́ете воспрїя́ти, ка́я ва́мъ благода́ть є́сть; и̑́бо и̑ грѣ́шницы грѣ́шникѡмъ взаи́мъ дава́ютъ, да воспрїи́мѹтъ равна́я.

35 Ѻба́че люби́те врагѝ ва́ша, и̑ благотвори́те, и̑ взаи́мъ да́йте, ничесо́же ча́юще. и̑ бѹ́детъ мзда̀ ва́ша мно́га, и̑ бѹ́дете сы́нове вы́шняго: ѩ́кѡ то́й бл҃гъ є́сть на безблагода́тныя и̑ зл҃ы́я.

36 бѹ́дите оу҃́бѡ милосе́рди, ѩ́коже и̑ Ѻц҃ъ ва́шъ милосе́рдъ є́сть.

31 Сказал Господь: ка́к хотите, чтобы с вами поступали люди, та́к и вы поступайте с ними.

32 И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят.

33 И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то́ же делают.

34 И если взаймы даёте тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же.

35 Но вы люби́те врагов ваших, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым.

36 Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд.

От Матфея, *зач. 11, гл. V, 14-19*

14 Рече́ гдь свои́мъ оу҃ченикѡ́мъ: вы̀ є́стѐ свѣ́тъ ми́ра: не мо́жетъ гра́дъ оу҃кры́тисѧ верхѹ́ горы̀ стоѧ́.

15 нижѐ вжига́ютъ свѣтиль‍ника, и̑ поставл‍я́ютъ є́го̀ под‍ спѹ́домъ, но на свѣ́щницѣ, и̑ свѣ́титъ всѣ́мъ, и̑̀же въ хра́минѣ сѹ́ть.

16 та́кѡ да просвѣти́тсѧ свѣ́тъ ва́шъ пред‍ человѣ́ки, ѩ́кѡ да ви́дятъ ва́ша дѡ́брая дѣла̀: и̑ прослав‍я́тъ Ѻц҃а̀ ва́шего, и̑̀же на нб҃сѣ́хъ.

17 да не мни́те, ѩ́кѡ прїи́дохъ разори́ти зако́нъ, ѝлѝ проро́ки: не прїи́дохъ разори́ти, но и̑спо́лнити.

18 а̀ми́нь бо глаго́лю ва́мъ: до́ндеже пре́йдетъ нб҃о̀ и̑ земл‍а̀, і҃ѡта є́дина, ѝлѝ є́дина черта̀ не пре́йдетъ ѿ зако́на, до́ндеже всѧ̀ бѹ́дѹтъ.

19 и̑̀же а̑́ще разори́тъ є́дино́ѹ за́повѣдей сих‍ъ ма́лыхъ, и̑ нав‍чи́тъ та́кѡ человѣ́ки, мни́й наречє́тсѧ въ цр҃твїи нб҃нѣ́мъ: а̀ и̑̀же сотвори́тъ и̑ нав‍чи́тъ, сей̀ вели́й наречє́тсѧ въ цр҃твїи нб҃нѣ́мъ.

14 Сказал Господь Своим ученикам: вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы.

15 И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.

16 Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

17 Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить.

18 Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все.

19 Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном.

ТОЛКОВАНИЕ АПОСТОЛЬСКОГО ЧТЕНИЯ

Сегодня мы можем удивляться тому упорству, с которым апостол Павел подчеркивает независимость своей проповеди от человеческого влияния. Он настаивает на сверхъестественном происхождении его Евангелия, на том, что никто из людей его этому Евангелию не обучал, но принял он его от Самого Бога через откровение Иисуса Христа. Являясь убежденным и ревностным иудеем, будущий апостол относился к Церкви со смертельной ненавистью. Воистину, с ним должно было произойти нечто чудесное, чтобы он в одно мгновение из гонителя Церкви Савла превратился в апостола язычников Павла. Это чудо произошло, когда Савла настиг свет той молнии, которая испепелила все его фарисейство, всю его гордость ревнителя отеческих преданий. Таким чудом было откровение Савлу Воскресшего Христа на дороге в Дамаск. Ослепительное сияние этого откровения апостол позже сравнивал со светом в начале Творения *(2 Кор. 4, 6),* а себя, преображенного этим светом, осознавал «новой тварью» *(Гал. 6, 15).* После разительной перемены, которая с ним произошла, он, при всем своем потрясении, не стал сомневаться, колебаться, не бросился за советом к «плоти и крови», то есть к людям, даже если таковые обладали авторитетом апостолов Христовых. А если он и ходил в Иерусалим, то было это не сразу, но спустя три года после откровения. Да и ходил он туда «не для того, чтобы чему-нибудь научиться, и не для исправления какой-нибудь своей погрешности, но исключительно ради того, чтобы познакомиться с Петром и почтить его своим присутствием» *(св. Иоанн Златоуст).*

Мы еще можем понять те практические соображения, которые побуждали апостола Павла настаивать на сверхъестественной причине радикальной перемены в его мыслях, образе жизни, а также на Божественном происхождении его апостольства: слишком уж подозрительным могло казаться его современникам превращение рьяного разрушителя Церкви в самоотверженного ее строителя и защитника. Но нам труднее понять, почему апостол так упорно настаивает на сверхъестественном, Божественном происхождении Евангелия Христова, которое он проповедует. Ведь сегодня, когда люди (даже далекие от Церкви) слышат слова «Евангелие Христово», «проповедь апостола Павла», они неизбежно представляют себе что-то «божественное», возвышенное, высоконравственное, святое, праведное и благочестивое. Но это — результат двухтысячелетнего влияния христианства на культуру, даже если она имеет к христианству косвенное отношение или вообще никакого отношения не имеет, просто такова привычка, общее место. И мало кому в голову приходит, что Евангелие, которое возвещал апостол, в его окружении и в его время могло восприниматься совсем иначе. И не только могло, но часто и воспринималось как соблазн, обман или безумие *(1 Кор. 1, 23).*

Почему так? Дело в самой сути того, о чем возвещает Евангелие. Мы по привычке не даем себе труда задуматься над тем, насколько противоречит Евангелие тому, что есть в мире, тому, что мы знаем о нашем мире. А в мире действуют законы, известные нам со школьной скамьи. Это законы физики, по которым действие равно противодействию. Это законы биологии, по которым выживает сильнейший или самый приспособленный. Это законы этики и здравого смысла: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Что посеешь, то и пожнешь»…

Подобные законы действовали и в религиозной жизни людей, которые тысячелетиями были убеждены в том, что для получения земных и посмертных благ человек должен совершать определенные действия, угодные богам, которые в язычестве олицетворяли природу с ее законами. Но даже при более развитых библейских представлениях о Едином Боге и Творце религиозная жизнь ветхозаветного иудейства руководствовалась аналогичными представлениями. Отеческие предания, о которых пишет апостол Павел, составляли многочисленные толкования Закона Моисея и точно указывали, какие действия необходимо исполнять для получения заслуженной награды от Бога.

И вот появляется некто, провозглашающий конец Закона! «Конец Закона — Христос» *(Рим. 10, 4),* — возвещает апостол Павел, для которого еще вчера такая мысль была невообразимой. Это, по сути, и есть Евангелие свободы, объявляющее о том, что отныне люди — не наемные работники у Бога, который расплачивается с ними за проделанную тяжелую работу, но свободные сыны Божии и наследники неистощимых Божественных благ.

Нам трудно себе вообразить, какой смелостью должен был обладать человек, дерзнувший утверждать новые основы духовной жизни, шедшие вразрез со всей исторической практикой человечества. Естественно, проповедь апостола Павла вызывала недоумение и сопротивление. И мы знаем, чем закончилось это сопротивление мира для самого апостола —

его мученической кончиной. Евангелие, освобождающее от Закона? Спасение не преуспеянием в делах Закона, не ревностью об отеческих преданиях, не заслугами, но благодатью Божией и верой в Иисуса Христа? Апостола Павла упрекали в том, что он этим учением о спасении подрывает основы религии и нравственности и делает он это из желания угодить людям, понравиться им, подольститься к ним. «Нет, — отвечает на упреки апостол, — желание нравиться миру и возвещать Евангелие Христово — вещи несовместимые». Евангелие — не слово лести *(1 Фес. 2, 4),* и одобрение мира может стать тревожным сигналом для христианской проповеди и для Церкви. Невозможно одновременно поддакивать людям и быть служителем Христовым. Нет, Евангелие не имеет ничего общего с подобными человеческими расчетами на легкий успех и популярность. Оно чуждо человеческих мерок, но есть нечто абсолютно новое, прорывающее человеческие и все земные масштабы. Иначе оно не было бы истинным Евангелием, то есть Благой Бо-

жественной Вестью, ибо всякое истинное благо имеет начало в Боге. Весть о высшем благе спасения не только для Израиля, но и для язычников открылась Павлу при встрече с Воскресшим. Эта встреча озарила всю его личность светом знания о том, что с Крестом и Воскресением Сына Божия в мир вошло то, что превыше всех законов физики, биологии и так называемой «естественной нравственности». В мире открылась любовь Творца к Его созданию. Откровение Христа было для апостола Павла одновременно и откровением Евангелия, которое возвещало не мнимое спасение Законом дел, но истинное спасение Законом Божественной любви. В Евангелии Христовом ему открылась последняя истина, состоявшая в том, что Крест и Воскресение — начало конца ветхого и привычного мира с его ветхими законами и ветхой историей. Законы порабощают. — Любовь освобождает!

Но ветхий мир греха иначе как по своим «законам греха» *(Рим. 7, 23, 25)* существовать не может. Он не может оставаться равнодушным и безучастным к вести о своем конце. Разумеется, он сопротивлялся и будет всегда сопротивляться Евангелию. Это сопротивление может принимать форму прямой враждебности и насилия, может принимать форму лицемерного согласия или попыток превратить Евангелие любви в некий новый (а по сути, ветхий) закон долга. Однако попытки эти тщетны, ибо Евангелие Христово — не вымысел человеческий, но благая весть о Божественной «победе, победившей мир» *(1 Ин. 5, 4).*

Архим. Иоанн Ивлиев

МЫСЛИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ГОДА

(Лк. 6, 31-36). Коренная, исходная заповедь – люби. Малое слово, а выражает всеобъятное дело. Легко сказать, люби, но не легко достигнуть в должную меру любви. Не совсем ясно и то, как этого достигнуть; потому-то Спаситель обставляет эту заповедь другими пояснительными правилами: люби, «как самого себя; и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Тут указывается мера любви, можно сказать, безмерная; ибо есть ли мера любви к самому себе и есть ли добро, которого не пожелал бы себе кто от других? Между тем, однако, это предписание не не-

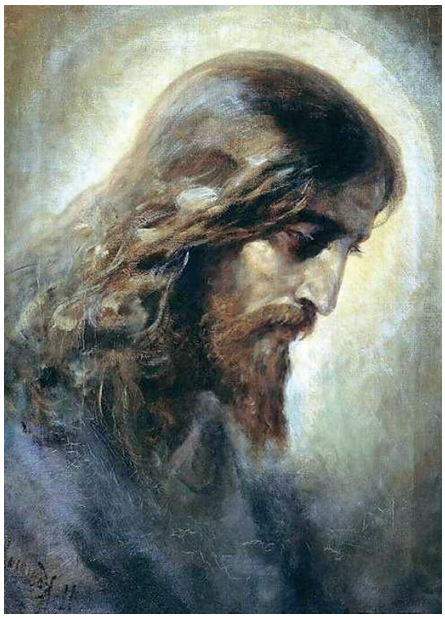
исполнимо. Все дело стоит за тем, чтобы войти в совершенное сочувствие с другими так, чтобы их чувства вполне переносить на себя, чувствовать так, как они чувствуют. Когда это будет, нечего и указывать, что в каком случае надо сделать для других: само сердце укажет. Ты только позаботься поддерживать сочувствие, а то тотчас подойдет эгоизм и возвратит тебя к себе и заключит в себя. Тогда и пальцем не пошевелишь для другого и смотреть на него не станешь, хоть умри он. Когда сказал Господь: люби ближнего, как самого себя, то хотел, чтобы вместо нас, стал в нас, т. е. в сердце нашем, ближний. Если же там по-старому будет стоять наше «я», то не жди добра.

СЛОВО В НЕДЕЛЮ 20-Ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

О ХРИСТИАНСКОЙ ЛЮБВИ

В сегодняшнем евангельском чтении Христос говорит о христианской любви не общими словами, а конкретно и очень просто и доступно. Любовь делается христианской, Божественной, когда человек, любя, забывает себя. Забыть себя до конца дано святым, но любить, не ища награды, не прося, не требуя, не вымогая любви за любовь, не вымогая благодарности за ее проявление — начало христианской любви. Она расцветает в любовь Христову, когда свободный дар любви достигает не только до любимых (это умеют делать все), но до нелюбимых, до тех, которые нас ненавидят, которые нас считают врагами, которые для нас считаются чужими. Если мы не умеем нашей любви распространить на тех, которые нам враги, это значит, что мы еще помним только себя и что все наши действия, все наши чувства исходят от непреображенного еще человеческого сознания, которое находится вне тайны Христа. Мы призваны любить щедрым сердцем, а щедрость, даже природная, заключается в том, что человек жаждет давать, ликует, когда он может отдать не только ему ненужное, но самое ему драгоценное, в конечном итоге — свое сердце, свою мысль, свою жизнь. Мы не умеем любить, но вся жизнь — школа любви, или наоборот, страшное время темного, холодного отчуждения.

И вот Христос нам открывает путь, как научиться любви:

каждый раз, как на пути любви я себя самому вспомнюсь, каждый раз, как я встану преградой между своим живым, истинным движением сердца и действием, я должен обернуться к себе и сказать: «Отойди от Меня, сатана» (Мк.8:33): ты помышляешь о земном, а не о небесном... Каждый раз, как, проявляя любовь, я буду требовать ответной любви, благодарности за благодеяния, я должен обратиться к Богу и сказать: Прости, Господи, я осквернил тайну Божественной любви... Каждый раз, когда в ответ на чужую ненависть, на клевету, на отвержение, на отчуждение я замкнусь и скажу: Этот человек мне чужой, он мне враг, — я должен знать, что для меня — не только во мне, но для меня самого — закрылась тайна любви, я вне Бога, я вне тайны человеческого братства, я не ученик Христов.

Вот путь; Христос не напрасно говорит, что путь в Царство Небесное — узкий, что врата узкие: очень узок этот путь, очень требовательна заповедь Христова, беспощадно требовательна, потому что она относится к области любви, а не закона. Закон определяет нам правила жизни, но он всегда где-то кончается, и за этим пределом мы от него свободны. Любовь же предела не знает; она требует нас до конца, всецело. Мы не можем только какой-то частью души согреться; если мы это допустим, мы потухнем, охладеем. Мы должны запылать всем нашим сердцем, и волей, и телом, и превратиться в купину неопалимую, в тот куст, который видел Моисей в пустыне, — который горел всем своим существом и не сгорал. Человеческая любовь, когда она не освящена Божественной тайной, поедает вещество, которым питается. Божественная любовь горит, превращает все в живое пламя, но не питается тем, что горит; в этой Божественной любви сгорает все, что не может жить вечно; остается чистое и светлое пламенение, которое превращает человека в Бога, как Ветхий Завет говорит, как Христос повторяет. Будем учиться ценой ожога любви, ценой отвержения от себя, ценой жертвы — будем учиться этой любви. И только тогда сможем мы сказать, что мы стали учениками Христа. Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

ЦИТАТА

Чем сердце просторнее, тем более вмещает в себе любимых; чем грешнее, тем оно теснее, тем менее оно способно вмещать в себе любимых до того, что оно ограничивается любовью только к себе и то ложной; любим себя в предметах, недостойных бессмертной души: в сребре и злате, в любодеянии и прочем подобном.

Праведный Иоанн Кронштадтский

ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ

(продолжение, начало в предыдущих номерах)

МОЛИТВА

О внешних сторонах молитвы

Телесное богопоклонение

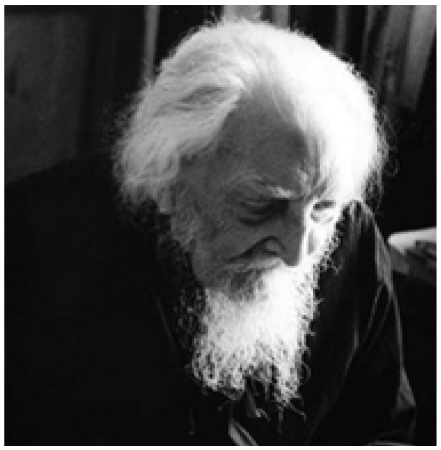
Молитва есть возвышение ума и сердца к Богу. Однако, пока мы живем в теле, на земле, молитва наша, естественно, выражается в различных внешних формах, сюда относятся коленопреклонения, крестное знамение, воздеяние рук, употребление разных богослужебных предметов и все наружные действия общественного христианского богослужения.

Христианское поклонение Богу по своей возвышенности есть «поклонение в духе и истине» *(Ин. 4, 23-24)*. Христианское богослужение несравненно возвышеннее ветхозаветного. Хотя ветхозаветное было установлено по повелению Самого Бога *(Исх. 25, 40),* однако оно служило только «образу и тени небесного» *(Евр. 8, 5)*. Оно отменено, как «ветшающее и стареющее», близкое «к истлению» *(Евр. 8, 13)*, с установлением Нового Завета, освященного Святою Кровью Господа Иисуса Христа. Богослужение Нового Завета состоит не в постоянных принесениях в жертву тельцов и овнов, а в молитве славословий, благодарений и прошений, в принесении бескровной Жертвы Тела и Крови Христовых и в даровании благодати святых таинств.

Однако христианская молитва не лишена разнообразных внешних действий. Сам Господь Иисус Христос не избегал внешних молитвенных и тайнодейственных проявлений: Он преклонял колена, пал на лице Свое и молился; воздвиг руки Свои и благословил; дунул и сказал Своим ученикам: мир вам; применял внешние действия при исцелениях, посещал иерусалимский храм и называл его «дом Отца Моего», храм Мой, храмом молитвы наречется» *(ср. Мф. 21, 13)*. Так же поступали и апостолы.

Духовное поклонение необходимо сопровождать телесным, вследствие тесной связи и взаимодействия души и тела. «Не знаете ли, что тела ваши есть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые есть Божии» *(1 Кор. 6, 19-20)*.

Христианин призван к тому, чтобы славить Бога не только душой и в своем теле, но чтобы даже все его окружающее он направлял к прославлению Господа. «Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию» *(1 Кор. 10, 31)*. Молитвой должно освящать не только себя, но и то, чем мы пользуемся: «Ибо всякое творение Божие хорошо и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою» *(1 Тим. 4, 4-5)*. Христианин призывается сознательно способствовать тому, чтобы и вокруг него, и в его руках, и в его сознании осуществлялся призыв псалма: «Все дышащее да хвалит Господа!» *(Пс. 150, 6)*. И осуществление этого дает православное богослужение, взятое во всем его объеме.

(продолжение следует)

протопресвитер Михаил Помазанский

ПРИТЧА

Однажды ученики пришли к старцу и спросили его: «Почему дурные наклонности легко овладевают человеком, а добрые — трудно и остаются непрочны в нем?»

— Что будет, если здоровое семя оставить на солнце, а больное зарыть в землю? — спросил старец.

— Доброе семя, что оставлено без почвы, погибнет, а плохое семя прорастет, даст больной росток и худой плод, — ответили ученики.

— Так поступают люди: вместо того, чтобы втайне творить добрые дела и глубоко в душе растить добрые начатки, они выставляют их напоказ и тем губят. А свои недостатки и грехи, чтобы их не увидели другие, люди прячут глубоко в душе. Там они растут и губят человека в самом его сердце. Вы же будьте мудры.

Ученики возблагодарили авву за поучение и удалились в размышлении.

ИКОНОГРАФИЯ

Божья Матерь Одигитрия

Одигитрия, что в переводе с греческого языка означает «Путеводительница», представляет наиболее распространенный в христианском мире тип изображения Богородицы. Многие из известных и чтимых православных икон, включая Казанскую, Иверскую, Смоленскую, Тихвинскую, Страстную, Споручницу грешных и Троеручицу, относятся к этой группе. Первой же одигитрией, как считается, была старинная Влахернская икона, написанная, по преданию, евангелистом Лукой и дошедшая до наших дней во множестве списков.

Догматический смысл одигитрии — пришествие великого судии и царя на землю — определяет композиционное решение иконы. Младенец Христос, сидящий на руках Богоматери, пишется в образе Вседержителя, одетого в царственные одеяния пурпурного и золотого цветов и, зачастую, в корону. В левой руке Иисус держит свиток как символ Учения, а правой благословляет зрителя. При этом, в отличие от похожего в целом и также распространенного типа изображения «Елиуса» (Умиление), Богородица не прижимается к Иисусу, а указывает на него рукой, представляя царственного Младенца миру.

Любой иконописный тип и, в частности, одигитрия — это не свод безусловных

правил, которые обязательны для исполнения, но направление мысли и цель, к достижению которой стремится иконописец. Поэтому каждый образ Путеводительницы уникален, хотя и достаточно узнаваем в своем догматическом содержании и художественном решении.

Помимо поясных икон, которые наиболее распространены, существуют высокие «ростовые» одигитрии, которые, в массе своей, относятся к поздневизантийскому периоду. Встречается также укороченный огрудный вариант изображения, известный, прежде всего, по иконе Божьей Матери Казанской. Богородица и младенец Христос могут смотреть на зрителя или же друг на друга, как будто ведя беседу. Свиток в руках Иисуса может отсутствовать, кроме того в композицию одигитрии могут быть включены дополнительные элементы: изображения ангелов, скипетр и держава («Призри на смирении») или, например, рука («Троеручица»).

История данного иконописного типа тесно переплетается с историей христианской культуры в целом. Древнейшие одигитрии, Тихвинская и Влахернская, были написаны, по преданию, евангелистом Лукой, став образцами для многих иконописцев в последующие времена. Влахернская икона прославилась многими чудесами, включая исцеление двух слепых путников в Антиохии, что, как считается, определило ее название «Одигитрия», которое распространилось впоследствии и на другие иконы. На протяжении многих лет образ хранился во Влахернском соборе Константинополя (по другим сведениям — в монастыре Одигон) и не единожды выставлялся на крепостные стены, охраняя столицу Восточной империи от нападения врагов.

На Руси одигитрия стала в числе наиболее распространенных типов изображения Богородицы. Многие из известных и чтимых сегодня икон Божьей Матери были созданы именно в иконографии одигитрии. Среди них — чудотворная Казанская икона, обретенная на пепелище в Казани в 1579 году и Смоленская икона, приписываемая руке знаменитого мастера Дионисия.

По материалам сайта mirikon.org

ЭТОТ ДЕНЬ В ИСТОРИИ

1009 год – Разрушение Храма Гроба Господня «безумным халифом» Хакимом.

1867 год – Аляска передана США

1883 год – В Петербурге на месте убийства Александра II заложен храм Спаса-на-Крови.

ТОЧНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ

КНИГА 1

Глава I

О том, что Божество непостижимо и что не должно с излишним любопытством доискиваться того, что не предано нам святыми пророками, апостолами и евангелистами

«БОГА никтоже виде николиже. Единородный Сын, сый в лоне Отчи, той исповеда» *(Ин. 1:18).* Итак, Божество неизреченно и непостижимо; ибо «никтоже знает Отца, токмо Сын, ни Сына, токмо Отец» *(Мф. 11:27).* Также и Дух Святый ведает «Божие», подобно тому как дух человеческий знает то, что в человеке *(1 Кор. 2:11).* Кроме же Самого первого и блаженного Существа, никто никогда не познал Бога, разве только тот, кому Он сам открыл, — никто не только из людей, но даже и из премирных Сил, из самих, говорю, Херувимов и Серафимов.

Однако Бог не оставил нас в совершенном неведении; ибо познание о том, что Бог есть, Он Сам насадил в природе каждого. И само создание мира, его сохранение и управление возвещают величие Божества *(Прем. 13:5).* Сверх того, Бог, сперва чрез закон и пророков, потом через Единородного Сына Своего, Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа сообщил нам познание о Себе, какое мы можем вместить. Поэтому все, что предали нам закон и пророки, апостолы и евангелисты, мы принимаем, познаем и почитаем; а выше того ничего не испытываем. Ибо если Бог благ, то Он и податель всякого блага, и непричастен ни зависти, ни другой какой страсти, ибо зависть не сродна естеству Божию как бесстрастному и единому благому. А поэтому Он как всеведущий и промышляющий о благе каждого то, что нам потребно знать, открыл нам, а чего не можем понести, о том умолчал. Этим мы и должны быть довольны, в этом пребывать и не преступать пределов вечных *(Притч 22:28)* и предания Божия.

Глава II

О том, что можно выражать словами и чего нельзя, что можно познавать и что превосходит познание

Кто хочет говорить или слушать о Боге, тот должен знать, что не все, касательно Божества и Его Домостроительства, невыразимо, но и не все удобовыразимо, не все непознаваемо, но и не все познаваемо; ибо иное значит познаваемое, а иное — выражаемое словом, так как иное дело говорить, а другое — знать. Таким образом, многое из того, что мы неясно познаем о Боге, не может быть выражено во всем совершенстве; но как нам свойственно, так мы и бываем принуждены говорить о том, что выше нас, так, говоря о Боге, мы (приписываем Ему) сон, гнев, беспечность, руки, ноги, и тому подобное.

Что Бог безначален, бесконечен, вечен, присносущен, несоздан, неизменяем, непреложен, прост, несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, неограничен, беспределен, неведом, непостижим, благ, праведен, всемогущ, вседержитель, всевидец, всепромыслитель, всевладыка и судья, — это мы и знаем, и исповедуем, равно как и то, что Бог есть един, т.е. одно Существо; что Он познается и есть в трех ипостасях (лицах), т.е. в Отце и Сыне и Святом Духе; что Отец, и Сын, и Дух Святый суть едино по всему, кроме нерождения, рождения и исхождения; что Единородный Сын, и Слово Божие, и Бог, по благоутробию Своему, ради нашего спасения, по благоволению Отца и содействием Святаго Духа, безсеменно зачавшись, нетленно родился от Святой Девы и Богородицы Марии через Духа Святаго и соделался из Нее совершенным Человеком; и что Он вместе есть и Бог совершенный, и Человек совершенный, из двух естеств, Божества и человечества, и (познается) из обоих естеств, одаренных умом и волею, деятельных и самовластных, кратко сказать, совершенных по определению и понятию каждого, т. е. Божества и человечества, но в одной сложной ипостаси. Что Он, сверх того, и алкал, и жаждал, и утруждался, и распялся, и действительно приял смерть и погребение, и воскрес тридневен, и взошел на небеса, откуда к нам приходил и опять придет, — об этом свидетельствует и Божественное Писание, и весь собор Святых.

Что же есть существо Божие, или как Он есть во всем, или каким образом Единородный Сын и Бог, уничижив Себя, соделался человеком из девственных кровей, т.е. иным сверхъестественным законом, или, как Он ходил по водам немокрыми ногами, — того мы не знаем и изречь не можем. Итак, мы не можем ни сказать чего-либо о Боге, ни даже подумать, кроме того, что самим Богом нам изречено, сказано или открыто в Божественных Писаниях Ветхого и Нового Завета.

(продолжение следует)

Преподобный Иоанн Дамаскин

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН. ИСПОВЕДЬ

(продолжение, начало в предыдущих номерах)

КНИГА ВТОРАЯ
IV

12. Что же было мне, несчастному, мило в тебе, воровство мое, ночное преступление мое, совершенное в шестнадцатилетнем возрасте? То не было прекрасно, будучи воровством; представляешь ли ты вообще нечто, о чем стоило бы говорить с Тобой? Прекрасны были те плоды, которые мы украли, потому что они были Твоим созданием, прекраснейший из всех. Творец всего, благий Господи, Ты, высшее благо и истинное благо мое; прекрасны были те плоды, но не их желала жалкая душа моя. У меня в изобилии были лучшие: я сорвал их только затем, чтобы украсть. Сорванное я бросил, отведав одной неправды, которой радостно насладился. Если какой из этих плодов я и положил себе в рот, то приправой к нему было преступление. Господи Боже мой, я спрашиваю теперь, что доставляло мне удовольствие в этом воровстве? В нем нет никакой привлекательности, не говоря уже о той, какая есть в справедливости и благоразумии, какая есть в человеческом разуме, в памяти, чувствах и полной сил жизни; нет красоты звезд, украшающих места свои; красоты земли и моря, полных созданиями, сменяющими друг друга в рождении и смерти; в нем нет даже той ущербной и мнимой привлекательности, которая есть в обольщающем пороке.

13. И гордость ведь прикидывается высотой души, хотя Ты один возвышаешься над всеми, Господи. Разве честолюбие не ищет почестей и славы? Но Тебя одного надлежит почитать больше всех и славить вовеки. И жестокая

власть хочет внушить страх, – но кого следует бояться, кроме одного Бога? Что можно вырвать или спрятать от Его власти? Когда, где, каким образом, с чьей помощью? И нежность влюбленного ищет ответной любви, – но нет ничего нежнее Твоего милосердия, и нет любви спасительнее, чем любовь к правде Твоей, которая прекраснее и светлее всего в мире. И любознательность, по-видимому, усердно ищет знания, – но Ты один обладаешь полнотой его. Даже невежество и глупость прикрываются именами простоты и невинности, – но ведь ничего нельзя найти проще Тебя. Что невиннее Тебя? – ведь злым на горе обращаются собственные дела их. Лень представляется желанием покоя, – но только у Господа верный покой. Роскошь хочет называться удовлетворенностью и достатком. Ты – полнота и неиссякающее изобилие сладости, не знающей ущерба. Расточительность принимает вид щедрости, – но ведь все блага в избытке раздаешь Ты. Скупость хочет владеть многим; Ты владеешь всем. Зависть ведет тяжбу за превосходство, – что превосходит Тебя? Гнев ищет мести, – кто отомстит справедливее Тебя? Страх, боясь необычной и внезапной беды, заранее старается обеспечить безопасность тому, что любит. Что для Тебя необычно? Что внезапно? Кто сможет отнять от Тебя то, что Ты любишь? И где, кроме Тебя, полная безопасность? Люди убиваются в печали, потеряв то, чем наслаждалась их жадность, которая не хочет ничего терять, – но только от Тебя нельзя ничего отнять*.

14. Так блудит душа, отвратившаяся от Тебя и вне Тебя ищущая то, что найдет чистым и беспримесным только вернувшись к Тебе. Все, кто удаляются от Тебя и поднимаются против Тебя, уподобляются Тебе в искаженном виде**. Но даже таким уподоблением они свидетельствуют о том, что Ты Творец всего мира, и поэтому уйти от Тебя вообще некуда. Итак, что же было мне мило в том воровстве? И в чем искаженно и извращенно уподоблялся я Господу моему? Или мне было приятно хотя бы обмануть закон, раз уж я не мог сокрушить его в открытую, и я, как пленник, создавал себе .кукцее подобие свободы, безнаказанно занимаясь тем, что было запрещено, теша себя тенью и подобием всемогущества? Вот раб, убегающий от господина своего и настигший тень. О тлен, о ужас жизни, о глубина смерти! Может ли быть любезно то, что запретно, и только потому, что оно запретно?

** Всякий грех — это некое соперничество с Богом, неловкое и безуспешное искание благ, которые может дать только Бог и которые нельзя найти без Него. Воровство, совершенное Августином, является с этой точки зрения посягательством на свободу и утверждением собственной воли.*

*** «Душа в своих грехах в гордой, извращенной и, так сказать, рабской свободе стремится уподобиться Богу. Так и прародителей наших оказалось возможным склонить на грех только словами: «Будете, как боги» («О Троице»)*

(продолжение следует)

МЫ ВИНОВАТЫ В ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ЛЮДИ, НЕ ЗНАЮЩИЕ ХРИСТА

Беседа с митрополитом Афанасием Лимасольским

(окончание, начало в предыдущем номере).

— Есть ли связь между хорошими христианскими семьями и хорошим монашеством?

— В своих беседах я говорю о том, что хороший монах мог бы быть хорошим семьянином, а плохой монах, если бы и женился, был семьянином плохим. Цель христианина и в монашестве и в браке одна и та же — вечный брак со Христом. И к этому нужно стремиться и в монашестве и в семье. Вы меня спросите: может быть, в монашестве лучше? Но я не могу так сказать. Каждый человек должен поступать так, как ему удобнее, чтобы найти Христа.

— Часто мы слышим: «Что они могут монахи понимать в семейной жизни?»

— Нужно смотреть в суть, а суть одна и та же. В писаниях монахов-аскетов описывается то, как человек преодолевает свой эгоизм и страсти, как в себе самом избавляется от ветхого человека, для того чтобы войти в общение с самим собой, другими людьми и, главным образом, с Богом. Человек, состоящий в браке, должен читать патерики, чтобы знать, как выстроить хорошую семью, потому что в патериках находятся ответы на многие жизненные проблемы.

— Владыка, есть ли у вас как у правящего архиерея большой епархии, настоятеля и духовника многих монастырей, возможность исповедовать народ и вообще вести духовное руководство мирян?

— Во всем греческом мире, а не только на Кипре, епископы посвящают большое количество времени исповеданию своей паствы. Причем наша исповедь отличается от исповеди в России. Насколько я знаю, у вас исповедь достаточно краткая, сводящаяся к названию грехов. У нас же люди привыкли исповедоваться по-другому: исповедь может занимать по нескольку часов, потому что человек рассказывает о своих грехах, о своих проблемах, задает вопросы, то есть говорит обо всем, что его беспокоит.

Несколько дней назад ко мне пришел исповедоваться один молодой учитель. Пришел он в пять часов вечера и ушел в шесть часов утра. Слава Богу, он был один (владыка смеется).

— Если вы так много исповедуете, значит, знаете общее состояние душ своих пасомых. Какие грехи наиболее типичны для нашего времени?

— Одна из причин, почему я исповедую лично, состоит в том, что я не хочу терять общение с людьми, не хочу сидеть в офисе и быть каким-то организатором. Исповедь — самый простой способ узнать, о чем думают люди, чем они озабочены, какие у них проблемы. Я очень радуюсь, когда люди видят в своем епископе отца. Радуюсь, когда знаю, что люди могут придти ко мне в церковь, разыскать меня, чтобы рассказать о своих проблемах.

К себе в епархию, в офис, я хожу один или два раза в месяц. Там я ощущаю себя как мэр и потому предпочитаю находиться в храме и видеться там с людьми. Храм — естественное место для епископа.

— И все же, какое, по вашему мнению, самое большое духовное заболевание нашего времени?

— Понимаете, важно не

название греха («убийство», «аборт», «блуд»...), важна суть, а суть любого греха в том, что человек отпал от Бога.

По-гречески слово «грех» (ἁμαρτία) означает «непопадание в цель». Когда древние греки пускали стрелу и промахивались, они говорили: «Имартон!» (ἥμαρτον), по-русски — согрешил, то есть попал мимо цели. И когда человек не имеет Христа в своем сердце, тогда он делает неправильные выборы.

Я стал духовником и начал исповедовать, когда ещё жил на Афоне и был очень молод. Однажды я спросил старца Паисия, что мне спрашивать у людей, которые приходят на исповедь. Дело в том, что некоторые из них просили, чтобы я сам задавал им вопросы, а они уже отвечали. И тогда старец Паисий сказал мне: «Избегай вопросов, но уж если люди очень настаивают, то тогда пусть первым твоим вопросом будет “Любишь ли ты Бога? Какие у тебя отношения с Богом?” Затем спрашивай, любит ли человек людей вокруг себя, любит ли себя и всю ситуацию вокруг себя, а потом уже разузнавай обо всем остальном». Потому Господь и говорит, что первая и наибольшая заповедь — возлюбить Господа Бога всем сердцем своим *(см. Мф. 22:37–38)*. А к этому приложится и остальное.

НЕ СТАТЬ ПРЕГРАДОЙ НА ЧЬЕМ-ТО ПУТИ

«Неверующие и нецерковные люди зачастую и чище, и добрее, и отзывчивее, чем христиане!» Вам приходилось когда-нибудь слышать подобные заявления? А самому говорить что-то с этим схожее? Или хотя бы думать так?

Лично я слышу или прочитываю эти или похожие слова достаточно регулярно и прекрасно понимаю, на чем говорящие и пишущие их основываются. Сам, однако же, так никогда не говорю и даже не думаю. Но и в полемику тоже чаще всего не пускаюсь: трудно ее по ряду причин вести, да и не уверен, что это нужно. Или, иначе: не уверен, что нужно именно это.

Нет, ни в коем случае нельзя говорить о том, что «неверующие люди лучше христиан». Это утверждение по сути своей ложно. Они не лучше и не хуже, они такие, какие есть, — со своими достоинствами и недостатками, сильными и слабыми сторонами, в чем-то разные, в чем-то удивительно напоминающие друг друга. С кем-то из них приятно общаться, кого-то, узнав хоть немного, всю жизнь будешь старательно избегать. Каждый из них индивидуален, неповторим, и зачем же с «ними», со всей совокупностью «их» сравнивать тех, кто наполняет сегодня наши храмы, зачем вообще нужны эти сравнения?

Ну, ведь ясно же, что и в Церкви люди разные — по характеру, по темпераменту, по образу жизни, по интеллектуальному уровню, по социальному положению наконец. И они, хотя и объединены общей верой, участием в Таинствах Церкви, хотя и составляют мистически одно Тело, не могут, тем не менее, сразу же, после воцерковления, стать совершенно другими и каждый раз «выигрывать» в соревновании на лучшие человеческие качества у тех, кто порога храма еще не переступил. И с течением времени тоже далеко не всегда оказываются к этому соревнованию готовы.

Да, к сожалению, очень часто приходится признавать и признаваться самим себе (хотя бы на исповеди), что мы гораздо хуже, чем должны были бы быть. В нас далеко не всегда можно распознать христиан по нашему поведению, манере общаться, отношению к людям и поступкам. И это беда. Беда, потому что мы слишком мало меняемся к лучшему и слишком мало и не усердно трудимся ради этого. Мы зачастую остаемся такими же, какими были до прихода в храм, не движемся вперед, не работаем над собой. А от нас ждут другого... От нас ждут если не совершенства добродетели, то хотя бы просто добродетелей как таковых. В нас хотят видеть пример, ориентир, своеобразное «доказательство» силы и действенности христианства, ту соль и тот свет, которыми мы должны для мира быть. Причем хотят не только люди, к христианству тяготеющие, расположенные, близкие, но и те, у кого оно само по себе вызывает отношение противоречивое, неоднозначное. Даже они тянутся к этому сокровенному в нем и не являемому нами свету... Они могут утверждать, что в нас его нет, но расстраиваются, скорбят, обижаются, когда им и вправду не удается его в нас разглядеть.

Это то, за что обижаются... Но не прощают нам, кажется мне, все-таки другое. Из-за этого другого и говорят о нас подчас, что мы «хуже», хотя само по себе это неправда.

Самое худшее, что может произойти с человеком в Церкви, — это подмена: когда он не меняется, стараясь стать таким, каким учит быть Евангелие, каким хочет видеть его Господь, а ищет (и находит!) в христианстве «оправдания» и «обоснования» для своих страстей.

Не любит человек других людей, раздражают они его, неприятны они ему, не способен он увидеть в них своих братьев и сестер, Богом возлюбленных... А он, вместо того, чтобы оплакивать это бесплодие и пустоту души своей, говорит себе: «За что их любить? Без Бога живут, закона Божьего не чтут, дух попрали, плоть возвеличили, приложились скотам несмысленным и уподобились им. Тьфу!» И «проблема решена».

Или есть у человека страсть к учительству, нравится ему чувствовать себя старше, умнее, опытнее других. А оснований для такого самочувствования вроде бы нет. Но он же не от себя говорит, а от Евангелия, от отцов, от учения церковного! И что с того, что все это перемешано с его какими-то благоглупостями, гордостью и самомнением? Главное: «оправданно».

Или невоспитан человек, не умеет с людьми общаться, оскорбляет, уничижает, унижает их. Хлебом не корми, а дай ему кого-то уесть, уязвить, слово колкое и злое сказать. Но он ведь не просто так это делает — он заблуждения вредные обличает, он ереси опровергает, он духом горит и возмущается!

Я думаю, что нам очень часто не прощают именно подобных вещей. Да, кто-то не любит Церковь и христиан в принципе. Не любит, потому что безбожник. Или потому, что настолько чужд Евангелию и самому духу его. Кто-то видит в существовании Церкви и христианства обличение своей беззаконной жизни, препятствие к совершению тех или иных злых дел. И тут ничего не поделаешь. Эта нелюбовь «заслуженна» — нам остается лишь терпеть ее и молиться за тех, кто пребывает в таком ожесточении, и... даже радоваться, если нас гонят и преследуют за то доброе, что в нас есть, за то хорошее, чем в самих себе мы христианству обязаны. Потому что велика тогда мзда наша на небесах.

Гораздо хуже, когда нас не любят за то, что мы плохие христиане... Когда же нас не любят за то, что христианством мы «оправдываем» и обеляем худшее в себе, выдавая порок за добродетель и слабость за силу, когда для всех, кроме нас, это очевидно, тогда дело совсем плохо.

Вот именно тогда и начинаются разговоры о том, что «обычные люди лучше христиан». И хоть мы можем с этим не согласиться, можем поспорить, можем даже доказать, что на самом деле это не так, пользы от споров и доказательств будет мало. Важно свидетельство, то есть сама наша жизнь. Важны дела: они сами скажут за себя, за нас и за нашу веру. Дай Бог, чтобы вера была видна из жизни и дел. Чтобы были они ее достойны. И не приведи Господь, чтобы были они дурны, а мы верой пытались их «оправдать» и «обелить».

Если что-то плохо в нас, если сами в себе различаем мы противную христианству тьму, то не оправдывать и обелять ее надо. А честно говорить: «Это худое во мне — не от христианства. Это то, что я пытаюсь в себе благодаря христианству преодолеть. Я плохой христианин, но изо всех сил стараюсь с помощью Божией стать лучше».

Иногда очень трудно так поступать. Но это честно и потому не вызывает отторжение. Это — понятно. И это не дает людям внешним повода думать о христианстве превратно, а значит, не становится преградой на их пути... И мы не становимся этой преградой.

Игумен Нектарий (Морозов)

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Они увидели Иисуса, идущего по морю... и испугались... (Ин. 6, 19)

Когда мы призываем Господа в нашей немощи, готовы ли мы Его узнать, в каком бы облике Он ни явился нам? Мы молимся, не предоставляя Ему возможности ответить так, как Ему угодно, на наши молитвы. Мы как бы предписываем Ему и способ, и время ответа.

Ученики призывали Его в опасности, ждали Его, тосковали по Нему — а теперь, когда Он явился перед ними, они «испугались». Почему же? Только потому, что Он явился в новом виде, не так, как они ожидали. Быть может, они представляли себе Его плывущим к ним навстречу в челноке или же ожидали, что Он внезапно очутится между ними на корабле. Как бы то ни было, они «все видели Его, и испугались» *(Мк. 6, 50).* Однако, по-видимому, не было никакой причины бояться Того, Кто приближался к ним среди ночной темноты в сиянье небесного света, Кто шел по непокорным волнам, не поддаваясь им. Неужели они не узнали своего Учителя, не поняли, что «путь Его в море, и стезя Его в водах великих, и следы Его неведомы» *(Пс. 76, 20).* Зачем же страшиться света, который открывает Его нашим взорам? Потому ли только, что в этом чудном явлении видится нечто сверхъестественное, как бы из другого мира?

Мы, может быть, ждем помощи известного рода, а она является совершенно иначе. Мы зовем Господа, когда находят сумерки, Он же приближается к нам в четвертую стражу ночи. Мы ищем избавления по нашим узким земным понятиям, а Он озаряет нас лучами небесного света. Но истинная вера принимает и то, и другое. Принимает все, лишь бы оно было от Господа.

Чего же боялись ученики? «Они подумали, что это призрак» *(Мк. 6, 49).* А что, если бы это действительно было так? В таком случае, видение это могло предвещать скорую смерть. Ну и что же? Неужели эти люди не хотели расстаться и с бушующим морем, и отчаянною борьбою против разъяренной стихии и покончить со всем этим ценою смерти?

Так и мы часто тяготимся жизнью, а однако не готовы еще к смерти и не признаем силу Божию во всем, что случается. Для нас это не Христос приближается в радостном сиянии небесного света, а какая-то неведомая сила, повелевающая волнам и вооруженная против нас. А если бы мы были уверены, что это Господь действует, мы все перенесли бы с готовностью. Но мы обвиняем того или другого человека, то или другое обстоятельство, забывая, что никто и ничто не может действовать вопреки воле Божией.

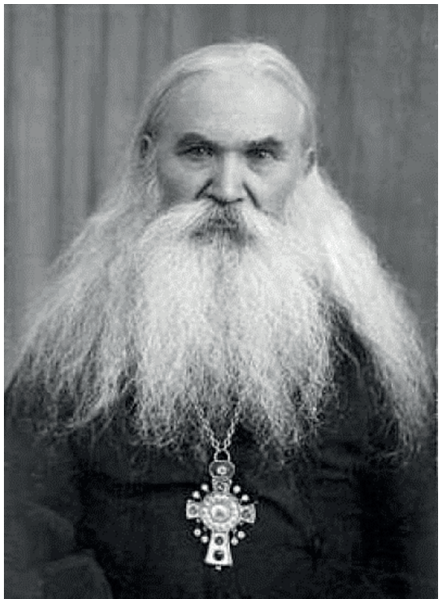
Итак, на деле оказывается, что, отправляясь в путь, мы оставляем Господа далеко за собой на берегу и хотим сами вынести на себе все опасности и невзгоды. «Что вы так боязливы? Как у вас нет веры?» *(Мк. 4, 40).* Среди шума и волнения, среди бури, свирепствующей вокруг нас, мы должны прислушиваться к голосу Господа, искать Его всем сердцем в каждое мгновение нашей жизни и быть готовыми принять Его всегда, в какой бы образ ни облеклось Его посещение.

НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ РОССИЙСКИЕ

Сегодня Русская Православная Церковь чтит память преподобноисповедника Гавриила (Игошкина). Он принял священный сан в разгар гонений на веру в 1921 году. В тюрьмах и лагерях провел в общей сложности 17,5 лет. Еще до официальной канонизации во многих епархиях Русской Церкви архимандрита Гавриила почитали как святого. 18 октября 1959 года он скончался в г. Мелекессе (ныне — Дмитровград)

8 июня 1949 года во время богослужения в Никольскую церковь г. Мелекесса Ульяновской области вошли люди в штатском — сотрудники госбезопасности. Не дожидаясь конца службы, они арестовали настоятеля храма, архимандрита Гавриила.

В насмешку сотрудники ГБ посадили 60-летнего отца Гавриила на автомашину с углем и так повезли в отделение милиции. Многие прихожане бежали за машиной со слезами. Когда машина подъехала к отделению, отец Гавриил был весь черный от угольной пыли. К нему подбежали верующие, одна прихожанка спросила: «Отец Гавриил, за что Вас так?» — «За грехи, люди нашлись и написали клевету. Последний мой суд будет». Священник слез с машины, люди захотели подойти к нему под

благословение, но милиция не позволила.

Обвинение гласило, что архимандрит Гавриил является враждебно настроенным к политике коммунистической партии и советского правительства, среди верующих на протяжении ряда лет проводит антисоветскую пропаганду.

Возглавляемую им мелекесскую церковь превратил в духовную школу, в которой в праздничные и воскресные дни после церковной службы с верующими проводил собеседования, беседы по изучению молитв, привлекал к церкви молодежь и детей школьного возраста.

В одной из проповедей сказал: «Родители, чтобы не допустить детей к неповиновению, нужно им всегда внушать слово Божие. Утром встанет дитя — заставить его молиться, приучать к страху Божию, тогда дети будут расти послушными».

Игнорировал марксистско-ленинские науки. Во время церковной службы упоминал врага революционного движения отца Иоанна Кронштадтского.

* * *

Архимандрит Гавриил (Игошкин) — редкий представитель сонма новомучеников и исповедников Российских, в отношении которого имеет место действительно народное почитание. В разных городах России еще живы духовные дети отца Гавриила, которые передают потомкам память о нем. В храмах, где служил отец Гавриил, написаны его иконы, служатся акафисты преподобноисповеднику Гавриилу.

Мощи преподобноисповедника Гавриила находятся в Никольском соборе г. Дмитровграда; поток паломников, желающих им поклониться, не иссякает.

Тропарь, *глас 3:*

Вельми светел явися нам подвиг жития твоего, / исповедниче Христов Гаврииле, / любве ради ко Господу изшел еси с радостию на скорбь и лишения, / крест свой носяй / и тако образ терпения показуяй, / верныя в годину озлобления / пастырски в вере соблюл еси, / дерзновением благодать Святаго Духа стяжав, / темже убо вопием ти: // молитвами твоими спаси души наша.

Кондак, *глас 2:*

Крепости Божия соименник / и причастник Божия благодати явился еси, / отче Гаврииле, / преподобием и исповедничеством / истину Православныя веры утверждали, / иго Христово до конца восприял еси, / темже и прославлен еси со святыми, // моли Христа Бога спастися душам нашим.

ЗНАЧИМЫЕ СОБЫТИЯ НА ПРЕДСТОЯЩЕЙ СЕДМИЦЕ

23 октября, четверг. **Прп. Амвросия Оптинского (1891)**

Тропарь, *глас 5:*

Я́ко к целе́бному исто́чнику, / притека́ем к тебе́, Амвро́сие, о́тче наш, / ты бо на путь спасе́ния нас ве́рно наставля́еши, / моли́твами от бед и напа́стей охраня́еши, / в теле́сных и душе́вных ско́рбех утеша́еши, / па́че же смире́нию, терпе́нию и любве́ научае́ши; / моли́ Человеколю́бца Христа́ / и Засту́пницу усе́рдную / спасти́ся душа́м на́шим.

Как к целебному источнику / мы прибегаем к тебе, Амвросий, отче наш, / ибо ты на путь спасения нас верно направляешь, / молитвами от бед и напастей охраняешь, / в скорбях телесных и душевных утешаешь, / а главное – смирению, терпению и любви научаешь; / моли Человеколюбца Христа и Заступницу усердную / о спасении душ наших.

Кондак, *глас 2:*

Заве́т Пастыренача́льника испо́лнив, / ста́рчества благода́ть насле́довал еси́, / боле́зную се́рдцем о всех, с ве́рою притека́ющих к тебе́. / Те́мже и мы, ча́да твоя́, с любо́вию вопие́м ти: / о́тче свяы́й Амвро́сие, / моли́ Христа́ Бо́га спасти́ся душа́м на́шим.

Заповеди Пастыреначальника ты исполнил, / и старчества благодать унаследовал, / скорбя сердцем о всех, с верою приходящих к тебе; / потому и мы, дети твои, с любовью взываем тебе: / «Отче святой Амвросий, / моли Христа Бога о спасении душ наших».

СОВЕТЫ СУПРУГАМ И РОДИТЕЛЯМ

(выписки из писем)

Семейные тяготы

Семейные тяготы должно переносить, как добровольно избранную нами долю. Задние мысли тут скорее вредны, нежели полезны.

Спасительно лишь то, чтобы о себе и о семействе молиться Богу, да сотворит о нас полезное по воле Своей святой.

От души желаю вам всего того, что вы выразили в краткой приписке вашей касательно истинного разумения дел и кроткого обращения с другими, и благодушного перенесения скорбей, и благоразумного отражения интриг человеческих и козней исконного врага.

Поминайте царепророка Давида, который помощью Божией, пройдя подобные обстоятельства, написал так: “Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою, и возведе мя от рова страстей и от брения тины (греховной), и постави на камени (заповедей Божиих) нозе мои, и исправи стопы моя, и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему” *(см. псалом 39).*

Без столкновений прожить невозможно

Пишешь мне о случае, который произвел на всех вас неприятное впечатление. Что делать? Старинные люди давно решили, что век без притчи не проживешь, и прибавили, что и горшок с горшком сталкивается, тем более людям, живущим вместе, невозможно пробыть без столкновения. И особенно это бывает от различных взглядов на вещи: один о ходе дел думает так, а другой иначе, один убежден в своих понятиях, кажущихся ему твердыми и основательными, а другой верует в свои разумения.

Ежели в первоначальном правиле арифметики слагается один и один, то выходит два, если же в третьем правиле помножить два на два, то выйдет уже четыре; если же дело дойдет до дробей, то окажутся цифры вверху и внизу, а посреди них черта: так бывает и в делах человеческих. Если их очень раздробляют, то окажется неудобство и вверху и внизу, с какой-либо преградой посредине.

Надо терпеть

...Мы должны быть рассудительны, то есть должны прежде всего заботиться о получении милости Божией и спасения вечного, а не о том, чтобы возвращать прежнее царство, то есть временные блага, которые выпали и выпадают из ослабленных рук сына. Впрочем, силен Господь исправить и его, если только он захочет преклониться под крепкую руку Божию. Нужно смиренно и с верой молиться Богу об этом, да вразумит его и нас.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

ШИПЫ, КОЛЮЧКИ И ЛЮБОВЬ

Жила-была Роза дивной красоты. И стройный стан, и нежное личико, и роскошная прическа — глаз не отвести. Да только уж больно колкая, и на соседок свысока поглядывала. Так и жила злюкой и гордячкой.

Смотрел на нее Бог, смотрел, все ждал, вдруг одумается, да и говорит ей однажды:

— Дорогая Роза, ты так прекрасна и утонченна, но твоя злость совсем не к лицу твоей нежности.

— Это мне, мне, — захлебнулась от возмущения уязвленная Роза, — советы давать? Да мне вообще... нет равных!

Тогда Бог решил по-другому Розе помочь, иначе погибнет, высохнет от злости. И превратил ее в Кактус! Остались от прежней Розы одни колючки.

Очутился Кактус на окошке девочки. Огляделся. Вокруг множество растений: были здесь Герань и Фикус, был и Вьюнок, а рядом вилась Лиана. И все на него стали поглядывать с недоверием.

Увидела девочка Кактус и чуть не расплакалась от жалости:

— Бедненький, как тебе трудно живется: ни листочка, ни цветочка, никто тебя ни пожалеть, ни приласкать, ни погладить не может. Колючка!

«Фи, еще чего! Какие фиалкины нежности!» — подумала бывшая Роза, но почему-то все же промолчала.

Девочка любила все растения, но больше всех задерживалась возле Кактуса. И столько дарила ему тепла, что после ее ухода Кактусу было даже как-то неуютно.

— Здравствуй, радость моя, мое бесценное сокровище. Как тебе спалось? Какие сны виделись сегодня? Может, тебе снились теплые страны? — говорила по утрам девочка.

А Кактус недоумевал: «За что меня любить? За колючки? Если бы я был Розой, тогда понятно...»

Так проходили день за днем. Но однажды девочка больно укололась о Кактус и громко вскрикнула. Кактус даже зажмурился от страха: «Ну все, закончилась девочкина любовь!»

А девочка смахнула непрошеную гостью-слезинку со щеки и, улыбаясь, сказала:

— Прости меня, неуклюжую, я, наверное, тебя испугала своим криком?

У Кактуса словно пелена с глаз упала, и стал он размышлять: «А за что любить Розу? В чем ее заслуга? Бог дал ей красоту, чтобы радовать других. Растил, ухаживал, а чем ответила она Богу? Что она сделала для того, чтобы мир стал прекрасней? Выставляла свои шипы?

А за что любить меня? Значит, любовь живет в самой девочке. Она любит всех: с шипами и колючками, с капризами и зазнайством, и не ждет ответа и благодарности.

А я? Могу я так? Девочку легко любить. Как не полюбить за доброту? А вот как научиться любить не только ее, но и долговязый Фикус, и соседку Герань с ее резким, дурманящим запахом, и назойливый Вьюн, и его родственницу — легкомысленную Лиану...»

Понравились Богу покаянные мысли Кактуса, и Он спросил:

— Не пришло ли время вернуть тебя в сад в прежнем виде?

Обрадовался Кактус, но тут же вспомнил о девочке:

— Как же она утром проснется, а меня нет на окне? — не хотелось ему на добро равнодушием отвечать, девочку огорчать. — Пусть я навсегда останусь колючим, но буду рядом с ней, может быть, и я от ее доброты любви научусь!

Бог в ответ только улыбнулся. Огляделся Кактус. Цветы на подоконнике уже не казались ему такими, как прежде.

— Какой же Фикус все-таки могучий и надежный. А до чего изящен Вьюнок... Какие замечательные цветы у Герани! — с удивлением замечал Кактус. Все они приветливо махали в ответ своими головками.

И тогда он понял, что Бог, видя стремление к добру, одарил его способностью любить. Так захотелось Кактусу сделать для всех что-нибудь приятное, что от переполняющих его чувств он... расцвел.

Встала утром девочка и — к окошку.

— Мамочка, мамочка! — воскликнула она, — чудо, чудо Божие! Наш Кактус зацвел!

Запрыгала на месте, захлопала в ладоши.

А Кактус был так счастлив, как никогда не радовалась Роза.

Раз в год от любви и Кактус цветет.

Борис Ганаго